

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

при поддержке Международного благотворительного фонда
Д. С. Лихачева

Седьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

2-е издание , исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012

ОДНИМ ЛЕТОМ В ГУНГЕНБУРГЕ
(К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ОЧЕРКА И. А. ГОНЧАРОВА “НА РОДИНЕ”)

О последних годах жизни Ивана Александровича Гончарова документальных свидетельств сохранилось очень немного. Это неудивительно: больной и мнительный писатель ограничил круг своего общения, почти не принимал гостей и сам покидал дом только для прогулок. “Мне совестно перед всеми, что я как будто кроюсь от людей, — признавался он в одном из писем, — что отчасти и справедливо и чему причиной старость и недуги — что делать: я устал, истомился, изжился и физически и морально”¹. Гончаров никогда не был женат, и его семьей под конец жизни фактически стала семья его слуги К. Л. Трейгута, умершего в 1878 году — вдова Александра Ивановна Трейгут и ее дети.

Одним из самых близких друзей автора “Обломова” в 1880-е годы стал юрист Анатолий Федорович Кони. Тридцатилетняя разница в возрасте не мешала этой дружбе — свидетельством тому остались девять десятков писем Гончарова, где одинокий старый писатель делится с Кони радостями и сомнениями, рассказывает о домашних делах, приглашает на чтение своих новых сочинений, спрашивает юридического совета. Кони часто посещал Гончарова в его квартире на Моховой улице, а также виделся с ним на побережье Балтийского моря, где он снимал дачу — в 1880, 1883 и 1885 годах в Дуббельне, а в 1887 году в Гунгербурге (ныне Усть-Нарва).

В 1887 году Гончаров испытал последний творческий подъем. Еще в начале года он заканчивает начатый еще два десятка лет назад очерк “Из университетских воспоминаний”, который публикует в “Вестнике Европы” (1887. №4), и вскоре начинает работу над полубеллетристическим-полумемуарным циклом очерков о своих слугах. 7 мая он сообщает Кони, что читал написанное редактору “Вестника Европы” М. М. Стасюлевичу и своей старой знакомой и помощнице С. А. Никитенко: “...оба они одобряют, но мне нужен и Ваш голос, который и был бы решающим. Если б и он был в пользу мою, тогда бы я мог сдать кое-что в журнал и теперь взять гонорар,

¹ Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 505 (из письма к А. Ф. Кони от 25 апреля 1887 г.).

ибо лето, по-видимому, уже напирает, надо решить, что делать, куда деваться. И в этом отношении я хотел бы Вашего мнения и совета”¹. Голос Кони также был в пользу очерков, хотя Гончаров не без обычного кокетства уверял того, что “он более дружеский, чем строгий и беспристрастный”².

Одобрение старых друзей придало автору “Обломова” уверенности, и он решился взять у редактора журнала “Нива” А. Ф. Маркса аванс, который позволил ему и А. И. Трейгут с детьми снять дачу в Гунгербурге. Друзья писателя предлагали отдать будущие очерки в “Вестник Европы”, но финансовый вопрос оказался решающим. “Никакой журнал конкурировать с “Нивой” не в состоянии, — объяснял Гончаров Кони в том же письме. — Я и сам бы лучше в наш “Вестник” — но, к сожалению, пренебрегать тысячами не могу”³. Гонорар Маркс предложил действительно едва ли не рекордный. Только аванс за первые два очерка составил 2000 рублей⁴, полистная же плата поразила воображение современников: “Встретил Плещеева, который сообщил мне, что Гончаров написал повесть и продал ее в “Ниву” по 1000 рублей за лист, всего за 6000 р., — записывает 28 сентября 1887 г. в своем дневнике В. П. Гаевский. — Такой платы до сих пор не было”⁵. Для сравнения, гонорар за полуторалистовой очерк “Из университетских воспоминаний” составил всего 544 рубля⁶.

Перед отъездом Петербурга в Гунгербург Гончаров писал 29 мая жене М. М. Стасюлевича Любови Исаковне, что заходил к нему за советом: “...поговорить <...> о моих надеждах поработать летом на даче и может быть — если удастся, пописать, приготовить что-нибудь к январю для “Вестн. Европы”. Я хотел рассказать, какие у меня есть сюжеты в голове и спросить, который из них был бы желателен для него. Для Нивы у меня уже все кончено, стало быть — я летом свободен. Не знаю только, станет ли здоровья, сил и охоты: впрочем — надеюсь”⁷. Редактор “Вестника Европы” откликнулся на желание своего постоянного автора обсудить возможные сюжеты статей для журнала и

¹ Там же. С. 506.

² Там же. С. 507 (из письма к Кони от 13 мая).

³ Там же.

⁴ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 283.

⁵ РНБ, ф. 171, ед. хр. 1, л. 54 об. Эта запись с неверным указанием года (1885) была приведена в кн: *Динерштейн Е. А.* “Фабрикант” читателей А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 125.

⁶ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 283.

⁷ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 190.

на следующий день посетил его. “Сегодня <...> я заехал к Гончарову (он всё возится с “Нивой” и теперь, по-видимому, покончил), — писал он Кони 30 мая. — На будущей неделе в четверг он едет в Ваш Гунгербург, а “няня” его уезжает во вторник с детьми; при старике остается одна его помощница, с которою он отправится на морской берег”¹. По всей видимости, Гончаров договорился со Стасюлевичем о том, какой материал был бы наиболее интересен “Вестнику Европы”; в письме к Кони от 3 июня он уже напрямую пишет о своих творческих планах: “Мне хотелось бы <...> если мне будет покойно и удобно в Гунгербурге, вызвать из прошлого некоторые воспоминания в другом уже роде и — если явится доброе расположение, при хорошей погоде, приготовить что-нибудь и для “Вест<ника> Европы” — к январю. Вот тут-то было бы мне дорого Ваше присутствие! Для этой же цели обещала приехать туда и С. А. Никит<енко>, погостить, отдохнуть и полечиться теплыми морскими ваннами и морским воздухом. Здоровье ее вообще, и нервы особенно, очень расстроены и требуют отдыха и успокоения”². К слову, Гончаров звал Никитенко в Дуббельн не только потому, что заботился о ее здоровье: ему был нужен человек, который бы помогал приводить в порядок его черновики, а Никитенко выполняла подобную работу уже не раз, переписав, в частности, три последние части романа “Обрыв”. “Вот она и разберет мою тарабарщину”, — писал Гончаров М. М. Стасюлевичу 27 июня уже из Гунгербурга³. Впрочем, и Кони ему нужен был не только как друг: престарелый писатель рассчитывал, что тот выступит в роли своеобразного ангела-хранителя: “У меня на Вас, если Вы приедете туда, еще вот какая надежда: Вы постараетесь защищать меня от знакомых вообще, и старых, и новых — т. е. отклонять их ходить ко мне и стараться “побеседовать” со мной где-нибудь на берегу, в парке, в курхаузе и т. д. Они развлекут и отвлекут меня от дела, не дадут работать. А я и без работы отвык уже от людей — и больше тягочусь “беседой”. Кроме того, с тех пор, как мой катар обратился в хронический, мне тяжело говорить, меня потом бьет кашель. Им можно говорить эту причину, не говоря о том, что я пишу, или просто сказать, что я на просторе разбираю свой домашний архив и ищу нет ли там чего, вроде “Университ<етских> воспоминаний”, чтоб они мне не мешали”⁴. Кони не мог отказать своему старшему другу и в начале июля приехал в Гунгербург, где провел почти месяц.

¹ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 3294, л. 118—118об.

² Лит. наследство. Т. 102. С. 508—509.

³ М. М. Стасюлевич и его современники. Т. 4. С. 192.

⁴ Лит. наследство. Т. 102. С. 508—509.

О своих встречах с Гончаровым тем летом Кони рассказывал в письмах к друзьям. Ближайшим же его другом в 1880-е годы была Л. Г. Гогель.

Согласно “Русской родословной книге” А. Б. Лобанова-Ростовского, Любовь Григорьевна Гогель (урожденная Баженова) была женой юриста Григория Григорьевича Гогеля¹. Его отец Григорий Федорович Гогель одно время состоял воспитателем великих князей Николая, Александра и Владимира Александровичей, а с 1865 г. занимал должность управляющего Царскосельским дворцовым управлением и Царском Селом²; в научной литературе можно встретить ошибочное утверждение, что Л. Г. Гогель — его дочь³. Кони познакомился с Л. Г. Гогель в конце 1881 или начале 1882 года. Это знакомство было предопределено, так как Кони часто сталкивался по служебным делам с ее мужем. Постепенно между ним и Гогель возникла тесная душевная связь, которая, однако, никогда не переходила границы светских условностей и приличий⁴. В годы особенной близости Кони писал ей несколько раз в неделю: этих писем до нас дошло свыше трехсот⁵; ответные, увы, не сохранились.

Гогель была лично знакома с Гончаровым; сохранились также свидетельства, что время от времени они обменивались письмами. “В Новый Год написала мне очень милую, добрую записку Любовь Григ<орьевна> Гогель, — сообщал Гончаров Кони 11 января 1887 г., — с каким удовольствием я ответил бы ей — но она адреса своего не обозначила, а я забыл № ее дома, и даже не помню хорошенько — на Знаменской или на Надеждинской улице она живет”⁶. Через полто-

¹ См.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 1. С. 144. Экземпляр из библиотеки ИРЛИ с исправлениями Б. Л. Модзалевского (?).

² О нем см.: *Татищев С. С.* Детство и юность Великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. С. 54 (и указатель имен, с. 687).

³ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 325; И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка. Псков, 1997. С. 123 (примеч. Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской).

⁴ Об отношениях Кони и Гогель см.: *Высоцкий С. А.* Кони. М., 1988. С. 222—223, 227—233, 238—241 (“Жизнь замечательных людей”).

⁵ Из них полностью опубликовано только четыре (см.: *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 79—80, 85—88); подлинники хранятся: ИРЛИ, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 11 (письмо от 7 августа 1887 г.) и 12 (далее цитируются в тексте статьи с указанием листов); небольшая часть писем за 1885—1886 гг. отложилась в ГАРФ (ф. 564, оп. 1, ед. хр. 800).

⁶ Лит. наследство. Т. 102. С. 502.

ра года, 30 июля 1888 г. сам Кони в письме из Мюнхена благодарит Гогель ее за письмо, сообщает, что на обратном пути в Россию собирается заехать в Дуббельн навестить Гончарова, и спрашивает, получила ли она его письма. Ни одно из упомянутых писем до нас не дошло.

Итак, в начале июля 1887 г. Кони приезжает в Гунгербург и 7 июля пишет Гогель:

“Я видел уже Гончарова. Он по возможности процветает, но его Ал<ексан>дра Ивановна приняла вполне и бесповоротно аллюры властной и капризной барыни — и совсем подчинила себе старика, который по-детски осчастливлен тем, что В<еликий> К<нязь> Конст<антин> Конст<антинович> телеграфировал ему о рождении сына Гавриила. Вот судьба старых холостяков — даже выдающихся, подобно Гончарову. Принадлежать (и даже не взаимно и обоюдно) вульгарной бабе, которая с апломбом вчера говорит мне при нем: “Помилуйте, А<натолий> Ф<едорович>, да ведь Вера Петровна (одна из старых слабостей старика — московская, довольно изящная, дама) известная сплетница, — это естественный факт!”” (л. 209—209об.).

К упомянутой в письме “вульгарное бабе” Александре Ивановне Трейгут немногие друзья Гончарова, в том числе и Кони, относились резко негативно, отмечая ее жадность, глупость и неумеренный апломб¹. Совсем по-иному относился Кони к также упомянутой в письме В. П. Веденисовой, их общей знакомой еще по Дуббельну; в письме Гончарову от 7 августа 1880 г. он называл ее “хорошенькой” и “неглупой” женщиной².

Следующее письмо к Гогель Кони посылает 10 июля: “На берегу ежедневно вижу старца Гончарова. Боже! ужели и я в его годы <...> буду таким отчужденным и — в большинстве случаев недоброжелательным ко всему живому — брюзгою?! — У него гостит старая дева (лет 50) Никитенко, дочь известного академика. Она очень интересна — много видела — и мы с нею ушваемся воспоминаниями об Италии (она прожила 3 года во Флоренц<ии>)” (л. 211). Те же мотивы сквозят и в письме к Стасюлевичу, отправленному на следующий день: “Трудно себе представить, до какой степени он состарился. И грустно и неприятно видеть. Ни на что живое у него нет уже отголоска, а, напротив, плохо скрываемое враждебное отношение. И потом эта

¹ См.: *Стасюлевич М. М., Кони А. Ф.* По поводу “Воспоминаний об И. А. Гончарове” // *Вестник Европы.* 1907. №11. С. 435—437; ср. также письмо Стасюлевича к Кони от 29 сентября 1891 г. (И. А. Гончаров в кругу современников. С. 410—411).

² См.: *Лит. наследство.* Т. 102. С. 452.

бесконечная болтовня все об одном и том же, тридцать раз — эти lamentации по поводу воспитываемых детей (которые, кстати, все воспитываются на счет в к[нязей] или казны), это недостойное “осчастливливание” самого себя при каждой милостивой улыбке, без разбору от кого именно из группы “милостивцев” она исходит — это вечное стремление, даже не пороге гробе, “казаться”, а не “быть”... — все это чрезвычайно скучно, чтоб не сказать более”¹.

Но спустя некоторое время с Гончаровым происходит перемена. Видимо, ежедневное общение с младшим другом действует на него благотворно; он начинает работать над обещанными Стасюлевичу воспоминаниями, читая готовые фрагменты Кони и Никитенко. “Гончаров каждый вечер совершает длинные прогулки по берегу, — пишет Кони своей постоянной корреспондентке в письме от 13 июля. — Он видимо ободрился. Очень Вас благодарит за поклон и просит передать таковой же” (л. 213об.). И в следующем письме, которое сохранилось не полностью и не имеет даты, он уже сообщает о чтении Гончаровым написанных фрагментов: “Гончаров очаровывает меня, когда читает мне свои новые вещи (это большой секрет!) — действительно живые и глубоко талантливые — и раздражает меня, когда гуляя по берегу, брюзжит на все и на всех старческой завистью и подозрительностью. Я ему передал Ваш поклон. Он просил передать Вам таковой же и прибавить, что он целует Вашу “белую, прекрасную руку” — и припомнил, что мы с ним, когда-то, уходя от Вас, взяли обе Ваши руки и оба их одновременно поцеловали (было ли это? я что-то не помню)” (л. 224 об.). Здесь обращает на себя внимание высокая оценка, которую дает Кони “новым вещам” Гончарова, потому что примыкающей к ним очерк “Из университетских воспоминаний” не вызвал у него интереса; посылая 22 февраля 1887 г. корректурные листы этого произведения Гогель, он добавлял: “Может быть, оно Вас поинтересует, хотя, в существе своем, довольно бесцветно” (л. 170).

Следующий раз о Гончарове Кони упоминает в письме от 1 августа: “С И. А. Гончаровым <...> свершилась перемена. Под влиянием смягчающего пребывания его старой приятельницы Никитенко и хорошего действия на него теплых морских ванн — он совсем преобразился. Стал бодр, жив и блещит умом, как редким алмазом в старинной, потускневшей оправе. Кстати: Никитенко (умная и развитая женщина) — пришла вчера проститься (она сегодня уехала) и после долгих колебаний, краснея и потупляя заблиставшие слезами глаза, сказала мне: “Простите меня, — я была предубеждена против вас, я дурно относилась об вас, — я вас не знала, я вижу, как я ошибалась, как была неспра-

¹ *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 93.

ведлива, — простите меня, — мне так больно...” Точно то же я выслушал от одной чистой душою женщины три года назад в Киссингене... Странные люди! Не зная, не видя человека они относятся к нему слепо и враждебно много лет — и потом думают, что достаточно испросить прощения, сознаться в ошибках — и раны его души, которую они терзали в ряду прочих, которую оскорбляли и озлобляли — сразу будут залечены. Уж молчали бы, по крайней мере, и оставляли в человеке гордое сознание переносимой несправедливости. Какое вообще гигантское недоразумение вся наша жизнь! Все-то в ней недоговорено, все не прилажено!” (л. 219—219об.) И, наконец, последнее письмо из Гунгербурга Кони посылает Гогель 7 августа, перед своим отъездом в Петербург: “Старик Гончаров совсем мною завладел, — требует “критического” слушания своих новых произведений, — захватывает меня в свои руки на берегу (т. е. буквально берет под руку и не отпускает целый вечер), а чтобы иметь меня и днем, соблазняет раками и миногами в небольших записочках, в роде сейчас полученной и при сем прилагаемой. В нем соединение старческой эгоистичности с трогательною подчас сердечностью”¹. Сохранилось три записки Гончарова к Кони, где он приглашает его на чтение воспоминаний, соблазняя различными кулинарными изысками². Гончаров их помечал лишь днями недели, и поэтому при публикации они датировались гипотетически; сопоставление их с письмами Кони к Гогель позволяет сделать это точнее. Так, в последнем цитированном письме Кони отзывается о романе Э. Золя “Земля”, который публиковался в газете “Gil Blas”³; в записке же Гончарова с пометой “Суббота” он пишет: “Посылаю франц<узскую> газету. Zola дошел до Геркулесовых столбов поэзии хлева и свинства. С его талантом и отвагой возможно, что он пойдет далее и откроет еще какую-нибудь Америку скотской пакости”. Следовательно, эту записку нужно датировать не 8, а 1 августа, так как она не могла быть написана ранее письма Кони. На неделю назад нужно перенести датировку и предыдущей записки, помеченной “Среда” — с 5 августа на 29 июля: в ней Гончаров пишет, что у него будет С. А. Никитенко, а она уехала из Гунгербурга 1 августа. Соответственно, предыдущая записка, также с пометой “Среда”, должна датироваться не 29 июля, а 15 или 22 июля — последняя дата кажется предпочтительней.

¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 11, л. 2—2об. (частично процитировано: *Алексеев А. Д.* *Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова.* С. 285).

² Опубл.: *Лит. наследство.* Т. 102. С. 511—513.

³ “Мне принесли № Gil-Blas’a, где помещено продолжение La Terre, Zola, запрещенное (к счастью) у нас. Дальше этого бесплодный цинизм в общедоступных произведениях еще не шел!” (л. 2об.)

Кони покинул Гунгербург 10 августа¹, Гончаров оставался там еще десять дней. Уже в Петербурге он заканчивает свои воспоминания, получившие заглавие “На родине”, и в конце сентября отдает их Стасюлевичу; последний в письме к жене от 26 сентября характеризует их как “милую вещь и весьма симпатичную”². Эти воспоминания публикуются в первых двух номерах “Вестника Европы” за 1888 год, и уже 2 февраля Гончаров посылает их оттиск Кони, в дарственной надписи с полным правом называя своего друга “восприемником сего писания на морском берегу Усть-Нарвы”³.

Уже на склоне лет Кони вернулся к дням, проведенным им в Гунгербурге в компании Гончарова, и начал набрасывать статью об очерках, которые престарелый писатель читал ему летом 1887 года. Не очень понятно, идет здесь речь о “На родине” или “Слугах старого века”; вероятно, Кони воспринимал эти очерки как единый цикл:

“К этому своему произведению Гончаров относился с большою любовью. Оно очевидно созрело в его душе в последние годы его одинокого существования. Когда жизнь начинает клониться к закату и чем дальше, тем быстрее, друзья одиночества в молодости — мечты и воображение — покидают человека. Обманчивость сладости первых давно изведана и отравлена в самом корне горечью сомнения, а воображение отказывается “метать свой пестрый фараон”, по образному выражению Пушкина⁴. Их место заступает другой спутник жизни — воспоминание. Оно всегда эгоично и редко развертывает в памяти картины и события, в которых человек не принимал так или иначе непосредственного участия. Но зато мелкие подробности жизни и всё, что имело живое и близкое соприкосновение с прожитыми годами, выступает, лишь только раздумье, которому уже нечего искать в будущем — обращается к прошлому — с особой силой и яркостью. Эта яркость и отчетливость при том пропорциональны прошедшему времени: чем больше оно — тем резче и определеннее они. Таково странное свойство старческой памяти. В преклонные годы трудно, а иногда и совершенно невозможно припомнить, что делал вчера, с кем виделся, где был, и в то же время какого-нибудь звука, яркого сол-

¹ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 285. Здесь эта дата основана на письме Гончарова к В. В. Салову от 9 августа (“А. Ф. Кони уезжает завтра совсем”. — И. А. Гончаров в кругу современников. С. 309), хотя сам Кони писал 7 августа Гогель: “После завтра я уезжаю...” (ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 11, л. 1).

² М. М. Стасюлевич и его современники. Т. 4. С. 194.

³ Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. Вып. V. И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский. М.; Л., 1959. С. 31.

⁴ Цитата из “Евгения Онегина” (гл. VIII, строфа XXXVII).

нечного освещения или надвигающихся сумерок достаточно, чтобы воскресить с поразительной выпуклостью и во всех мельчайших подробностях картину того, что случилось 30—40 лет назад, если только ему присущ был хотя бы в очень малой степени элемент эгоизма. Между такими личными воспоминаниями у стариков играют роль воспоминания о спутниках и сотрудниках жизни и там, где она прошла одиноко, без семейной ласки и участия, без семейных драм и гордиевых узлов, а вылилось в одиночество, там невольно выступают на видный план товарищи и помощники ежедневного существования, т. е. сослуживцы или слуги. Несомненно, что и Гончаров не раз возвращался в своих воспоминаниях к своим *homines domestici*¹, и они проходили перед ним, образ за образом, как в панораме, пока наконец не сложились окончательно в том виде, в каком он их изобразил в своих очерках. Не стану оценивать их огромных литературных достоинств. Широкая и сочная кисть старого художника не дрогнула в его слабеющей руке, и житейская действительность была им воплощена с глубокою художественной объективностью и свойственным ему расположением светотени. В них чувствовалась и сквозила та любовь к предмету, с которою они были написаны. Это отражалось и в чтении Гончарова. Я никогда не слышал его читающим публично или в обществе. Но эти проведенные в Гунгербурге часы остались навсегда в моей памяти. До тех пор мне случалось (и не раз) присутствовать при его критических или житейских рассуждениях и выносить из них всегда сильное впечатление, присутствуя, так сказать, при самом процессе творческой деятельности его мысли. Он начинал обыкновенно как бы нехотя, отрывисто и с паузами, затем разгорался и, согрев слушателей своим внутренним огнем, умолкал в раздумье. “Вот набросок Ивана Александровича о картине Крамского, — писала мне 12-го мая 1899 года С. А. Никитенко. — Читая его, я опять перенеслась в то незабвенное время, когда, сидя в углу моего маленького диванчика и поджав под себя одну ногу, Иван Александрович, делясь своими впечатлениями, вдруг оживлялся и разражался блестящей импровизацией, которая точно раздвигала стены комнаты и уносила в мир идеальных помыслов и стремлений”². То же было и в слышанном мною чтении. Начав лениво и с оговорками, усталым голосом, Гончаров вскоре оживлялся и начинал отенять действующих лиц. Легкое

¹ Домочадцам (*лат.*)

² Это письмо сохранилось (не полностью) в бумагах Кони: ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 73 (опубл.: И. А. Гончаров в кругу современников. С. 418—419); в нем упоминается незаконченная статья Гончарова “Христос в пустыне. Картина г. Крамского” (1874).

волнение начинало окрашивать его старческие щеки, единственный глаз блистал и на нем по временам навертывались слезы. Это чтение, однако, не было игрою, как у Писемского и Островского, где из-за зтеца быстро проступал актер. Нет! Это был лишь прочувствованный рассказ очевидца, глубоко схоронившего в совей душе живые и говорящие образы тех, кто ему встретился на его жизненном пути. Окончив чтение, Гончаров, очевидно, до нового сеанса расставался с вызванными им из области прошлого фигурами и переходил к злобе дня. Его не тревожили и не волновали больше тени прошлого”¹.

Воспоминания Гончарова, несомненно, повлияли на мемуарное творчество самого Кони. Влияние это прослеживается на самых разных уровнях, от эстетического до нравственного. Заметнее всего гончаровский опыт отразился в мемуарном цикле Кони “Житейские встречи”, один из очерков которого своим названием отсылает к Гончарову — “За-границей и на родине”, а следующий, озаглавленный “Домочадцы”, начинается следующим образом: “Дерзновенно следуя примеру И. А. Гончарова, решаюсь припомнить о встреченных мною на жизненном пути ближайших спутниках и свидетелях нашей домашней и частной жизни, между которыми так часто встречаются интересные личности, заслуживающие серьезного внимания и даже изучения”². “Пример Гончарова” — это, конечно, “Слуги старого века”, причем Кони решил следовать этому примеру до конца, опубликовав свой очерк в том же самом журнале³. И едва ли можно сомневаться, что создавая свои “Житейские встречи”, он не раз вспоминал часы, которые провел вместе со знаменитым писателем в Гунгербурге летом 1887 года.

¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 50, л. 17—20; далее следует рассказ о чтении в 1865 г. А. Ф. Писемским его драмы “Бывые соколы”, в иной редакции вошедший в очерк “А. Ф. Писемский” (см.: *Кони А. Ф. Собр. соч.* Т. 6. С. 243—246), и выписки из писем Гончарова к Кони от 13 мая и 26 июня 1887 г. (см.: *Лит. наследство.* Т. 102. С. 507, 510—511).

² *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Ревель; Берлин, [1922]. Т. 3, ч. 1. С. 306.

³ Ежемесячные литературные и популярно-научные прибавления к журналу “Нива”. 1910. № 11—12.